

Глава 5

Детские забавы

И это был не единичный случай.

Помимо тряпичного тигра, Бо Цзюань обнаружил в комнате множество других своих игрушек — некогда утерянных или выброшенных. Теперь все они были бережно собраны и расставлены на самых видных местах.

Казалось, полки отражали этапы его взросления: от детского бумажного ветряка до первого деревянного меча для тренировок, а затем и до разбитой им алхимической печи...

Чем больше он видел, тем сложнее становились его чувства.

Он и сам не заметил, в какой момент — возможно, просто повзрослев — они с предком отделились друг от друга. Он перестал целыми днями виться вокруг него, перестал бежать в его объятия, чтобы пожаловаться на любую мелочь.

Бо Цзюань считал это доказательством своей самостоятельности.

Но лишь увидев в Зеркале Небесного Прозрения почти обезумевшего от горя Бо Юнье, он осознал, как сильно пренебрегал им все эти годы, увлекшись алхимией.

Если вдуматься, он уже очень давно не сидел и не разговаривал с предком. После совершеннолетия он и вовсе ни разу не заходил в эту комнату.

Однако там, где он не видел, Бо Юнье всегда был рядом, по-своему, молчаливо, оберегая его.

Бо Цзюань потер зацепивший нос и вышел из комнаты. Первое, что приковало его взгляд, была высокая, исполненная величия фигура.

Под деревом сидел мужчина в белых одеждах, с волосами цвета воронова крыла. Весь его облик дышал холодной отрешенностью.

Казалось, время не оставило на нем ни следа, лишь добавило его облику мудрого спокойствия, словно он постиг все тайны брэнного мира. Он походил на несокрушимую гору — один его вид внушал трепет и благоговение.

Почувствовав на себе взгляд, мужчина, не отрываясь от работы резцом, произнес низким, холодным голосом:

— Подойди.

Бо Цзюаньши тербил кисточку, свисавшую с пояса. Опустив голову, он медленно подошел к Бо Юнье.

Он шел мелкими, почти шаркающими шажками, словно нехотя.

Раньше, в пылу эмоций, Бо Цзюаньши ничего не замечал, но теперь, выпавшись и придя в себя, он ощутил неловкость.

...Какой позор.

Он ведь уже не ребенок, а вел себя так, будто ему снова пять лет — плакал и жаловался в объятиях предка.

От одной мысли об этом Бо Цзюаньши залился краской.

Но Бо Юнье, казалось, ничего не заметил. Его взгляд лишь на мгновение задержался на серебряных волосах, рассыпавшихся по спине юноши.

— Почему ты выбежал, не причесавшись? — нахмурился он.

Только после этого напоминания Бо Цзюаньши осознал, в каком неподобающем виде предстал перед предком.

Одежда не сменена, волосы не уложены — полный беспорядок.

Теперь он покраснел по-настоящему, даже кончики ушей запылали.

Он посмотрел на Бо Юнье, и слова сорвались с его губ сами собой:

— Тогда причеши меня, предок.

Сказав это, Бо Цзюаньши и сам замер.

Он моргнул. Секунда, другая — и румянец на его щеках стал еще гуще. В конце концов, он решил идти до конца и, с детским упрямством, капризно потребовал:

— Я хочу, чтобы предок причесал мне волосы!

— Хорошо.

Бо Юнье опустил глаза. Там, где Бо Цзюаньши не мог видеть, в холодных глазах мужчины промелькнула тень улыбки.

Пока учитель и ученик наслаждались идиллией, в поместье семьи Цинь сгустились тучи.

Едва перевалило за полдень, как стражник у ворот примчался с докладом: прибыли гости, назвавшиеся представителями Божественной Секты Тайянь.

Их визит, по-видимому, был связан с давней детской помолвкой третьего молодого господина.

Докладывая об этом, стражник выглядел озадаченным. «У нашего третьего молодого господина была помолвка?»

Он не знал, что не он один был в неведении. Все присутствующие были ошеломлены.

— Глава семьи, когда это у этого безда... у третьего молодого господина появилась невеста?

Что уж говорить о других, сам глава семьи Цинь был в полном недоумении. Но он не мог показать этого и, сохраняя спокойствие, приказал стражнику:

— Сначала проводите почтенных гостей.

Стражник поклонился и удалился.

Подумав, глава семьи позвал другого слугу.

— Где третий молодой господин? Приведи его сюда.

— Слушаюсь.

Слуга, получив приказ, направился к заднему двору.

Еще на подходе он услышал свист рассекаемого воздуха.

На деревянной тренировочной площадке высокий, стройный юноша с обнаженным торсом,

одетый лишь в свободные холщовые штаны, под палящим солнцем отрабатывал удары на мешке с песком. Капли пота стекали по рельефным мышцам, его кожа, казалось, была натерта маслом и блестела на солнце.

Он не был бледен; его кожа имела здоровый, смуглый оттенок. Напряженные мышцы были полны скрытой силы.

Один удар — и деревянный столб, стоявший на площадке, яростно затрясся, но, качнувшись несколько раз, вновь замер неподвижно.

Увидев это, слуга презрительно скривился.

По его мнению, сколько бы ни был силен этот третий молодой господин в рукопашном бою, без сюаньци все это — лишь грубая, недостойная сила.

Бездарь — он и есть бездарь.

Слуга презрительно хмыкнул, но, вспомнив приказ, все же подошел и окликнул:

— Третий молодой господин, глава семьи зовет вас немедленно в зал для совещаний.

Юноша, казалось, не слышал его. Он продолжал наносить удары по столбу, его кулаки были быстры, как ветер.

С треском толстый деревянный столб разлетелся на куски, превратившись в облако щепок.

Глядя на это, слуга почему-то почувствовал холодок на шее. Ему показалось, что Цинь Сюаньюань разбил не столб, а его собственную шею.

Юноша неторопливо закончил, взял с полки полотенце и вытер пот. Лишь спустя некоторое время он, казалось, заметил стоявшего рядом слугу.

Его дерзкие брови сошлись на переносице.

— Что тебе нужно? — нетерпеливо спросил он.

Встретившись с его темными, глубокими глазами, слуга побледнел. Он открыл рот, его тон уже не был таким высокомерным, а слова выходили с запинкой.

— Глава семьи просит вас прийти... Прибыли важные гости, кажется, по поводу вашей помолвки...

— Моей... помолвки?

Цинь Сюаньюань нахмурился, словно не ожидал услышать такое.

Помолвка? Откуда у него помолвка?

И кто захочет выйти замуж за такого бездаря, как он?

Цинь Сюаньюань холодно усмехнулся, но в его глазах не было и тени веселья.

— Веди.

Он хотел посмотреть, что это за внезапная помолвка и что за этим стоит.

— Это... это же глава секты Чэнь! Какими судьбами вы лично пожаловали к нам?

Когда Цинь Сюаньюань прибыл, зал для совещаний был полон. Все значимые фигуры семьи Цинь уже были здесь.

Кажется, он был последним.

В тот момент, когда появилась его фигура, в зале воцарилась странная тишина.

На него устремились десятки взглядов.

Любопытные, презрительные, злорадные... и даже гневные и завистливые...

Но Цинь Сюаньюань принимал их все со спокойствием.

Он лишь вежливо кивнул главе семьи, сидевшему во главе, и встал в углу.

Учитывая его положение в семье, такой поступок не был неожиданным, и все восприняли это как должное.

Но в глазах Гу Линя и его спутников это выглядело как проявление грубости и отсутствия манер.

Гу Линь оглядел собравшихся, которые лишь лебезили перед ними, и его лицо помрачнело.

Он не мог представить, что эти люди станут родней его младшего брата Бо.

К счастью, Достопочтенный был благоразумен.

После сегодняшнего дня Цинь Сюаньюань и младший брат Бо больше не будут иметь ничего общего.

С этой мыслью Гу Линь решил не затягивать. Когда служанка подошла, чтобы налить ему чаю, он остановил ее жестом, не собираясь проявлять к семье Цинь ни капли уважения.

— Глава семьи Цинь, я скажу прямо. Я прибыл сюда по приказу старших, чтобы уладить одно давнее дело.

Цинь Хэ не успел отреагировать, как глава Врат Белой Реки поспешил напомнить ему:

— Глава семьи Цинь, эти господа — посланники из высшей секты. Лучше все прояснить как можно скорее.

Услышав это, у Цинь Хэ дрогнули веки.

Даже глава Врат Белой Реки так почтителен с ними...

Его сердце сжалось, и он стал еще более учтивым.

— Не знаю, о каком давнем деле говорят почтенные гости?

Гу Линь молчал. Он достал половину нефритовой подвески с узором цветка линсяо.

— Глава семьи Цинь, вы узнаете эту вещь?

Увидев подвеску, Цинь Хэ на мгновение замер. Давнее воспоминание всплыло в его памяти.

Тогда он еще не был главой семьи, и вся власть принадлежала его отцу.

Однажды, играя, он забежал в гостевой двор.

Там он увидел человека, которого не мог забыть всю жизнь.

Тот стоял у дверей в одеждах белее снега и передавал его отцу нефритовую подвеску.

Позже Цинь Хэ узнал, что это был какой-то невероятно важный человек, и он пришел в их семью, чтобы заключить помолвку.

Перед смертью его отец, в присутствии трех внуков, отдал подвеску Цинь Сюаньюаню.

Тогда Цинь Сюаньюань еще был гением, на которого возлагали все надежды, и Цинь Хэ не придавал этому значения. Если бы не визит Гу Линя, он бы и не вспомнил об этом.

Но, подумав о своем третьем сыне, который в двадцать лет так и не смог собрать ни капли сюаньци, Цинь Хэ горько усмехнулся.

— Похоже, глава семьи Цинь вспомнил, — продолжил Гу Линь. — Тогда вы должны понимать, что времена меняются.

— Изначально эта помолвка была заключена из-за давней дружбы между старшим моей секты и вашим предком. Но ваш сын...

Он бросил взгляд на молчавшего Цинь Сюаньюаня, и его недосказанные слова были понятны всем.

Члены семьи Цинь тут же все поняли. Конечно, эти люди выглядели необычайно знатными, и тот, с кем был помолвлен Цинь Сюаньюань, должно быть, тоже был из знатного рода.

Как такой человек мог смотреть на бездаря Цинь Сюаньюаня?

Осознав это, все присутствующие устремили на Цинь Сюаньюаня взгляды, полные откровенной насмешки.

Атмосфера в зале стала странной. Улыбка исчезла с лица главы семьи. Он собрался с духом и, посмотрев на Гу Линя, сказал:

— Почтенный, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду...

Гу Линь вскинул бровь и прямо заявил:

— Я имею в виду, что мы пришли расторгнуть помолвку.